

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

**РОМАНЫ
МАРИИ ВОРОНОВОЙ**

МАРИЯ ВОРОНОВА

—~~~~~ роман ~~~~~—

ПОВОД ДЛЯ ЗНАКОМСТВА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление серии *С. Власова*

Воронова, Мария Владимировна.
В75   Повод для знакомства : роман / Мария Воронова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Большая любовь. Романы М. Вороновой).

ISBN 978-5-699-84549-1

Эти мужчина и женщина из разных миров. Он — талантливый хирург, отвергнутый медицинской «элитой» из-за нежелания участвовать в аферах с оборудованием. Она — утонченная преподавательница музыки. Но однажды их пути пересекутся. Профессору Колдунову предстоит оперировать больную, а Кате — ухаживать за ней. Сможет ли Катя, прежде далекая от реальности, справиться с испытаниями, которые ждут ее в настоящей жизни? Станет ли она счастливой, услышав от мужчины слова, о которых так долго мечтала?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84549-1

© Воронова М.В., 2014
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Катя допивала утренний кофе с молоком. Она любила эти пятнадцать минут, когда между глотками любимого напитка можно было поразмыслить о наступающем дне. Катя протянула руку к тостеру, но тут же отдернула. Не дай Бог поправиться! Несколько лишних килограммов всегда вгоняли ее в панику, она начинала корить себя за безволие и распущенность.

В кухню вошла мама. Кутаясь в пуховый платок, села напротив дочери и строго посмотрела на нее.

«Интересно, что я натворила на этот раз?» — подумала Катя. Вряд ли мама встала бы с постели в такую рань, чтобы просто пожелать ей доброго утра.

— Ты сегодня опять едешь с Юрой? — как бы невзначай спросила мама.

Катя помедлила с ответом. Сосед по лестничной клетке купил машину. Оказалось, что по дороге на работу он проезжает мимо Катиного музыкального училища, вот и завел привычку подвозить ее по утрам. Мама была этим недо-

вольна. Даже зная ее строгие жизненные принципы, Катя не могла сообразить: что же такого плохого она делает, пользуясь Юриной добротой?

— Так ты едешь с ним?

— Наверное.

— Лучше бы тебе этого не делать. Юра — не нашего круга. Не нужно у него одалживаться. Катя, разве ты не знаешь этих людей? Если он тебя пару раз подвезет, то будет считать, что ты ему должна по гроб жизни.

Катя демонстративно посмотрела на часы.

— Извини, но я должна идти...

— В первую очередь ты должна прислушаться к моему совету. Катя, он же милиционер! А эти люди ничего не делают просто так. Наверняка ему что-то нужно от тебя.

— Да что может быть нужно милиционеру от учительницы музыки?

— Посмотришь.

Катя побежала одеваться. У нее была хорошая фигура, немного сухощавая, с длинными и красивыми, даже на ее собственный взгляд, ногами. Короткие рыжие волосы лежали аккуратными волнами, черты лица были правильными, но, к сожалению, терялись в обилии веснушек. Глядя на себя в зеркало, Катя часто повторяла фразу, сказанную бабушкой ее школьной подруги: «Лицо как кукушкино яйцо». В юности Катя пыталась бороться с веснушками, изводила их то огуречным соком, то масками из простокваши,

то другими народными средствами (ни о каких «эйвонах» никто тогда слыхом не слыхивал).

Поступив в консерваторию, Катя смирилась со своей «пятнистостью». Купила помаду и тушь коричневатых тонов и успокоилась. Ей часто говорили, что она похожа на Николь Кидман, но Кате никогда не нравилась эта актриса.

Мама перехватила ее в дверях:

— Ты меня поняла? Я не хочу, чтобы ты ездила с Юрой.

— А что я ему скажу? Что мне мама не разрешает?

— Скажи, что тебя укачивает.

— Ладно, — быстро согласилась Катя. Из окна мама все равно не увидит, как она садится в машину.

Юра уже ждал ее, скребком борясь с наледью на стеклах. Катя невольно засмотрелась, такой он был ладненький, энергичный. В голову полезли разные мысли. «Интересно, как это он... с женщинами?..» Катя тут же покраснела.

— Помочь?

— Что ты, Катюша! Тебе же руки беречь надо. Да все уже, садись.

Юра распахнул перед ней дверцу своих новых «Жигулей». Катя полезла внутрь, смущаясь оттого, что юбка задирается и Юра видит ее колени. Она вообще чувствовала себя неловко наедине с соседом. Иногда ей казалось, что он не прочь завести с ней роман.

Вот и сейчас, искоса поглядывая на Юрино

сосредоточенное лицо, Катя гадала, как он целуется... Она представляла, как это все у них будет, и ей становилось страшно и сладко.

Из автомобильной магнитолы лились оскорбительные для Катиного музыкального уха звуки. Юра, похоже, ими наслаждался, даже подпевал. Весьма, надо сказать, фальшиво. Интересно, что будет, если они поженятся? В доме гремит попса, Юра с бутылкой пива на диване...

— О чем задумалась, Катюша? Боишься опоздать? Сейчас пробочку одолеем, а дальше — одним махом!

— Ничего страшного, время еще есть.

— Вот и ладненько. Куда ты, козел, лезешь? — вскричал внезапно Юра, резко виляя в сторону. — Ну и люди — в поле ветер, в попе дым!

Катя не нашла нужных слов для достойного продолжения такой беседы.

— Слушай, а ты не могла бы ребенка посмотреть? — продолжал Юра, отругавшись. — У моей подруги дочка вроде бы способная к музыке.

На Катю навалилась черная тоска. Мама в очередной раз оказалась права. Она всегда оказывалась права. Конечно, Юре проще было несколько раз подвезти соседку до работы, чем искать неизвестно где толкового педагога, платить ему деньги...

А она, дурочка, напридумывала себе неизвестно что! От осознания собственной глупости Катя рассердилась.

— Я посмотрю расписание, выберу время и вечером скажу тебе, — ровным голосом пообещала она.

— Вот спасибо!

— Не за что пока. Юра, как ты можешь слушать это? — Катя дала все-таки выход эмоциям. — Это же кошмар!

— Да? А мне нравится. Да и тебе, Кать, понравится, если ты врубишься. А то заколодило тебя на твоих симфониях.

Катя не ответила. Да, мама, к сожалению, совершенно права. Как ей хотелось считать Юру равным себе, интересным и порядочным человеком! Как она пыталась пропускать мимо ушей все мамины аргументы, как убеждала себя в том, что ее мама — вздорная! Увы, мама просто объективно смотрит на мир.

Суховато простившись с Юрой, Катя поспешила в училище. Предстоял напряженный день: две ее ученицы готовились к всероссийскому конкурсу молодых пианистов, и Катя рассчитывала на призовые места, поэтому девочкам спуска не давала. Нельзя было забывать и про других, менее одаренных учеников: они ни в коем случае не должны чувствовать себя людьми второго сорта, которыми педагог пренебрегает. Катя понимала, что амбиции музыканта плюс подростковые комплексы — гремучая смесь, способная разьесть юную душу, и очень старалась вдохнуть в учеников веру в свои силы.

До первого ученика оставалось еще несколь-

ко минут. Катя воровато огляделась, заперлась в классе и открыла окно. Пахнуло влажной питерской зимой, солнце закинуло несколько лучей в комнату, сверкнуло крышкой рояля, а Катя почти по пояс высунулась из окна и закурила сигарету. На темя ей капнуло с крыши, вода с волос поползла за шиворот, и, затагиваясь, Катя радостно подумала, что скоро весна.

В здании училища курить запрещалось под страхом увольнения, но она пренебрегала этим запретом. Больше того, если бы преподавателям разрешали дымить где попало, она скорее всего бросила бы это занятие. Ее будоражила не сигарета, а факт, что она совершает что-то недозволенное, поступает не как почтенная учительница музыки, а как трудный подросток.

— Екатерина Николаевна, вы у себя? — раздался за дверью голос Георгия Марковича, виолончелиста, и Катя от испуга чуть не вывалилась из окна.

Георгий Маркович вряд ли был старше ее, но выглядел совершеннейшим старикашкой. Характер он имел бабский, читай — вредный и подлый. Может быть, потому, что был одинок и жил с мамой, а может быть, уродился таким. У Кати ведь такая же ситуация, но она-то не обабилась!

Сначала она думала, что под неказистой оболочкой и некрасивыми поступками скрывается тонкая и ранимая душа, но после нескольких лет совместной работы пришла к выводу, что ничего там не скрывается. В том, что Жора донесет

на нее директрисе, если застучает за курением в классе, можно было даже не сомневаться.

— Екатерина Николаевна, откройте, — не отступал Георгий Маркович.

— Я не могу открыть. — Катя выкинула недокуренную сигарету в окно и стала лихорадочно размахивать руками, разгоняя дым.

— Что случилось?

— Я промочила ноги! Переодеваю колготки! — рывкнула она, даже сквозь дверь чувствуя, как краснеет целомудренный виолончелист. Подобные интимности были ему глубоко чужды, как, впрочем, и другим преподавателям мужского пола. Недаром мама, побывав в ее училище, презрительно сказала: «Область стерильного выселения вида».

— Зайдите к директору, — пискнул Георгий Маркович и удалился.

Катя еще немного помахала руками, закрыла окно и отправилась на ковер.

Ян Александрович Колдунов, полковник медицинской службы в отставке, доктор наук, начальник третьего хирургического отделения, боролся со стихией. Раковина в перевязочной страшно рычала и извергала потоки мутной воды. Неискушенный в сантехнических работах, Ян Александрович скакал вокруг новоявленного фонтана на пару с перевязочной сестрой Клавдией Ивановной, собирая воду тряпками и отжимая ее в таз.

— Долго мы с тобой без подкрепления не продержимся, — резюмировала Клавдия Ивановна, дама восьмидесяти пяти лет от роду, — диагноз-то хоть поставлен?

— Засор по стояку, мать его ети!

— А! — сказала Клавдия Ивановна, будто Колдунов снял камень с ее души, и нагнулась подтирать очередную лужу.

Ян Александрович мрачно думал, что конца этому веселому занятию не предвидится. Клавдия Ивановна еще не знала всей правды: заместитель главного врача по АХЧ отказался бесплатно направить в отделение сантехников.

— Ну как? Клавдия Ивановна, давайте тряпку, — вошла старшая медсестра Вера. Она весила чуть ли не сто килограммов, носила короткую кудрявую стрижку и всем своим обликом напоминала гигантского младенца. За вечно торчащие дыбом волосы Веру называли Ананас, и она охотно отзывалась. — Ян Александрович, так когда сантехники придут?

Вера взяла у старушки тряпку и с удивительной для ее комплекции легкостью стала собирать воду. Халат сзади натянулся и угрожающе затрещал.

— Ладно, я покурю пока, — сказала Клавдия Ивановна и вышла.

— Ну что, Ян, помощь близка?

— Не мечтай! Знаешь, что сказала эта пьянь хозяйственная? Делиться, говорит, надо! Вы, говорит, товарищ Колдунов, бабки гребете с паци-

ентов, вот и давайте! Пятьсот рублей, и засора как не бывало. И стояк перекрыть отказался. Ваши, говорит, личные трудности!

— Вот подлюка! — От возмущения Вера бросила тряпку Колдунову под ноги, и его окатило небольшой грязной волной. — Ох, извини!

— Ничего. А ведь дашь им денег, Ананас, совсем сядут на шею. Они и так сбрендили! Будто уже в Штатах живем. Полный отрыв от реальности. Где я им эти деньги возьму? Верушка, а может, спиртом их приманить? Есть у тебя?

— Есть, конечно, но те водопроводчики, которые за спирт ходят, такого тебе натворят, что, глядя на их работу, ты сам у меня спирта запросишь.

— Тоже выход! Сейчас вмажем на троих, и пусть тут все заливают к свиньям!

— Увы, Ян, под нами хорошие люди.

— Да уж, нейрохирургам и без нас несладко живется. Вот если бы под нами администрация была... Я бы краник посильнее отвернул и домой пошел!

— Ладно, попробую еще разок воззвать к светлым чувствам нашего АХЧ.

Вера стала звонить по местному телефону, а Ян с удвоенной энергией принялся собирать постоянно прибывающую воду.

— Девочек хоть пригони, пусть помогут, — буркнул он, осознав, что вероломные женщины оставили его одного сдерживать натиск стихии.

— А на посту кто будет работать, Пушкин? —

огрызнулась Вера, уже накрутившая себя для разговора с АХЧ. — Але, Валера! — внезапно гаркнула она, перекрыв шум, издаваемый раковиной. — Ты чего выеживаешься? Как это — не пришлешь? Да ты вообще соображаешь? У тебя больница на куски разваливается, а ты ходишь руки в брюки, шланг в карман! Откуда я тебе деньги возьму, я их не печатаю! Мы полгода без премий. Валера, не борзей! Что ты сказал? Что?! Что?! Ах ты, подлюка! Нет, ты послушай!

Но АХЧ, видимо, не послушал, потому что Вера положила трубку с самым растерянным видом. Сейчас она напоминала младенца, у которого не только отобрали любимую погремушку, но еще и хорошенько наподдали по попе.

— Слушай, Ян, я, кажется, все испортила. Пар ушел в гудок. Он сказал, что наше отделение убыточное, никакой пользы больнице не приносит, так что, если мы тут все в сточных водах захлебнемся, никто плакать не станет. Больше никогда нам ни одного наряда не выпишет.

— А то раньше выписывал! — Это вернулась Клавдия Ивановна, благоухающая «Беломором». — Не переживайте, дети мои, что-нибудь придумаем. Вроде бы сантехники трубы под напором воздуха продувают. Может быть, нам взять баллон с кислородом из операционной...

— Бросить его под раковину, открыть вентиль и зажечь спичку! То-то Валере будет радости, когда он завтра полбольницы недосчитается. Ему хлопот меньше.

— Нужно обзвонить все отделения над нами, чтобы они пока перевязочными своими не пользовались. Впрочем, вечер уже, и так все закрывают.

— В этот стояк еще палаты врезаны. Больных же без воды не оставишь.

— Унитазы, я надеюсь, к другой трубе подключены? — холодея, спросил Колдунов.

— Да вроде бы...

— Не слышу уверенности в голосе...

Клавдия Ивановна уселась на перевязочный стол и по-девичоночь заболтала ногами. Ян подхватил полные ведра и собрался выносить их в туалет, но Вера остановила его:

— Ты не рассекай по отделению с помоями, не роняй свой авторитет.

— И так уже ниже плинтуса, — отмахнулся он, — пусть все видят, чем вынужден заниматься заведующий.

Ян распахнул дверь и, беспечно покачивая ведрами, вышел в коридор. Взгляд зацепил фигуру второго и последнего отделенческого врача Эрнста Михайловича Цырлина. Фигура, облаченная в куртку, быстро удалялась в сторону лестницы. «Вот паразитина!» — выругался Колдунов. Конечно, он и не ждал, что косивший под рафинированного интеллигента Цырлин кинется грудью на амбразуру, но надеялся, что тот хотя бы не уйдет, пока отделение не справится со стихией.